

УДК 81'44

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА РЕВОЛЮЦИОННОГО И РАННЕГО ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

К.Ю. Шмелева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается взаимосвязь социального и культурного аспектов развития русского языка революционного и раннего постреволюционного периода в контексте изменений в обществе и сдвига культурной парадигмы.

Ключевые слова: социальный контекст, лингвокультурология, язык революционной эпохи, языковые изменения, дискурс.

Sociocultural Aspects of the Development of the Russian Language in the course of the October Revolution and the Early Post-Revolutionary Period

Ksenia Y. Shmeleva

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article is focused on the changes that occurred in the Russian language in the period of the October Revolution and the early post-revolutionary years amid social transformation and a shift in the cultural paradigm.

Key words: social context, cultural linguistics, October revolution and its language, language transformation, discourse.

Язык революционного и раннего постреволюционного периода в России может рассматриваться лишь в тесном взаимодействии с различными социальными явлениями, поскольку речь как форма актуализации языка сама по себе относится к социальным явлениям.

Основополагающие свойства коммуникации и языка в целом сходны между собой: тот, кто пользуется языком, посредством этого инструмента может оказывать воздействие на получателя информации, структурировать окружающую действительность, выражать свое мнение и т. п. Решение этих и подобных им задач оказывается возможным благодаря способности языка овеществлять наши представления о мире, формируемые человеческим сознанием в концептуализированной форме. По мнению Р.М. Блакара, осознание действительности и ее понимание через язык – только лишь один из возможных инструментов концептуализации окружающей действительности, ведь «“собственно язык” более или менее явно отражает структуру социально-политической власти в данном обществе и неизбежно принимает некоторую точку зрения, т. е. принимает чью-либо сторону» [2. С. 99]. Возникающие в процессе развития социума новые социальные роли нуждаются в соответствующих обозначениях – новых «языковых ярлыках», которые не только показывают, каким

образом эти роли могут интерпретироваться носителями языка, но и сообщают о прагматических установках создателей этих ярлыков, ожидающих от пользователей адекватной интерпретации предложенных номинаций.

Взаимодействие языковой системы и пользующегося ею социума носит обоюдный характер и наиболее отчетливо наблюдается в сферах, где отношения власти и общества проявляются с максимальной отчетливостью. Принимая это во внимание, логичным представляется вывод, что во времена резких перемен и кризиса особенно заметно, как «язык осуществляет свою власть над нами» [2. С. 100]. Социальные факторы играют важную роль в создании новых наименований, причем в большей мере не в аспекте создания новых номинаций для новых явлений и предметов, а в аспекте «переименования» (создания номинаций) для уже существующих. В последнем случае на процесс называния большое влияние оказывает социальный, политический, идеологический контекст. Г. Маркузе полагает, что институты власти, имеющие возможность в текущий момент времени влиять на систему языка, используют новые наименования для того, чтобы корректировать и моделировать восприятие происходящего у говорящих на языке, и язык тем самым становится инструментом для изменения интерпретации реальной ситуации в целом [10].

Связь новых социальных фактов, социальных норм и норм языковых выявляется при обращении к революционной и ранней постреволюционной эпохе в России в первой трети XX века. Социум и социальные нормы не могут существовать изолированно от системы языка, поскольку оказывают непосредственное влияние на смыслы языковых произведений. Социальную норму принято понимать как «совокупность общепринятых установлений» [3. С. 144], Эти общепринятые установления, регулирующие различные сферы человеческой деятельности, обуславливают языковую норму, которая, в свою очередь, определяет специфику языковой деятельности. Говоря о языке как объекте социального нормирования, мы не ограничиваем его понимание только лишь собственно лингвистическим аспектом, но трактуем его как социальное явление, обладающее множеством модальностей.

Социальное явление, выступающее фрагментом социальной действительности, детерминировано определенным набором фактов, включая социально ориентированные контексты и ситуации. Э. Дюркгейм полагает, что «социальным фактом является всякий образ действий, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение, или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, но имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [7]. Ключевой характеристикой в данном им определении можно считать наличие

принуждения или волевого воздействия на индивидуума, что представляет особую ценность с позиции изучения языковых изменений в период революций и кризиса, а также становления тоталитарного общества. Взаимосвязь социальных вопросов и революции подчеркивает Х. Арендт, утверждая, что вопросы такого характера во всех революциях играют первостепенную роль [1. С. 19].

Рассматривать языковые изменения целесообразно не только в социальном, но и в культурном контексте, поскольку оба контекста тесно связаны и оказывают друг на друга постоянное влияние. В современной научной парадигме язык и речь принято рассматривать на стыке целого ряда гуманитарных направлений. Помимо языкознания, речевая деятельность и язык находятся в фокусе таких наук, как культурология, психология, социология. С этой точки зрения представляется важным обратить внимание на понятие «дискурса». По мнению В.И. Карасика, существует как минимум две интерпретации этого понятия. Первая подразумевает широкое понимание дискурса как процесса речепроизводства, в ходе которого происходит актуализация языка в речи. Такая интерпретация носит название функциональной. Существует и более узкое понимание дискурса как «целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [8. С. 190]. Такая трактовка подразумевает противопоставление текста как продукта речи и дискурса в целом как процесса – т. е. текста как сущности и актуализации этой сущности. Внимание исследователей акцентируется на противопоставлении того, что имеется в виду, тому, что сказано. В этом случае основным признаком дискурса становится контекст, и особую роль начинает играть ситуация общения. Культурные, психологические и социальные условия общения, как отмечает В.И. Карасик, относятся к числу первоочередных факторов, которые нужно учитывать, исследуя и интерпретируя дискурс. Социальная власть, социальный контроль и управление дискурсом связаны в единую концепцию, о которой наиболее удобно говорить в рамках типологии реализации власти в дискурсе, а именно на примере различных форм социального взаимодействия [4. С. 57].

С точки зрения лингвокультурологии, дискурс и языковая система неразрывно связаны с культурными изменениями в обществе и меняющейся культурной парадигмой. Здесь следует упомянуть об основных чертах культурной политики большевиков, которой была свойственна монополизация культуры, редукция культурных различий, в перспективе воспринимающиеся как препятствия, которые необходимо устранить. Феномены разного рода, относящиеся к области политики, культуры, социальной жизни, неизбежно упрощались, упрощая саму окружающую действительность. Как замечает Р. Хестанов, подобное «упрощение действительности порождало новую социальную

действительность, новые объекты политического воздействия и новую картографию реальности» [5. С. 41]. Одним из центральных направлений политики большевиков стало стремление к радикальной борьбе с культурными различиями разного рода – национальными, классовыми, образовательными, и т. д., что требовало создания сложной и многомерной системы управления социальными объектами. На политическом уровне с этой целью создавались новые советские и партийные учреждения, а основным инструментом создания культурных смыслов стала пропаганда.

Функционал этих инструментов представляется наиболее удобным изучать на текстовом материале различного рода и, в частности, на литературных произведениях. Однако прежде чем обратиться к конкретным примерам, целесообразно проанализировать процессы не только лингвистического и литературоведческого, но и социально-культурного характера, выявить взаимосвязь этих процессов. Е. Добренко, изучавший феномен советского читателя и взаимоотношения читателя и ранней советской литературы в целом, обращает внимание на то, что понимание процессов, происходящих в литературе и языке, неразрывно связано с пониманием процессов, происходящих в советской культуре в целом. Формирование нового советского человека и сопутствующие этому социокультурные и политические факторы революционного и постреволюционного периода – это фоновый процесс, который оказывал непосредственное влияние на язык. О советской культуре говорится как о части «единого политико-эстетического проекта» [6. С. 11], и основная черта этого проекта – радикальное обращение к воспринимающей стороне. Как уже говорилось выше, язык – это инструмент концептуализации, структурирования окружающей действительности и воздействия на нее со стороны тех, кто этим языком пользуется. Реципиент, воспринимающий культуру, начинает играть особо важную роль в формировании этой культуры как таковой, что, безусловно, отражается как на языковой деятельности, так и на характере изменений, в ней происходящих. Специфической чертой социокультурных изменений революционного и постреволюционного периода становится стремление отказаться от самоидентичности в пользу так называемой «массовизации». Очевидно, что индивидуальное сознание подвергается глубокой перестройке на фоне адаптации к новым условиям существования и попыток по-новому координировать социальную структуру общества. Происходящие процессы трактуются как крайне подвижные и носят драматический, болезненный характер. В этом контексте необходимо рассматривать революцию как «социальный переворот, приведший в движение страну, и в результате действительно радикально изменивший ее» [6. С. 28].

Одним из первых языковыми изменениями в революционный период в России заинтересовался и подробно их описал А.М. Селищев. Его труд «Язык революционной эпохи» содержит разноплановые наблюдения за

языком с 1917 по 1926 год. Революция 1917 года затронула все слои населения, вызвала сильнейшие пертурбации в общественной жизни России. На фоне общественных изменений происходили интенсивные изменения в языке, что дало А.М. Селищеву возможность выявить такое качество языковой деятельности как «энергичность»: людям, охваченным революционным движением, необходимо было вербализовать свою оценку происходящего, поделиться друг с другом своими впечатлениями, выразить собственное отношение к тем или иным событиям, оказать воздействие группы людей на волю отдельных индивидуумов, обсудить вопросы политической повестки дня [9]. Х. Арендт отмечает, что о революции можно говорить лишь в том случае, когда переворот происходит под эгидой новизны, и пафос этой новизны пронизывает все происходящие в обществе изменения [1. С. 39]. Революционные изменения привнесли новшества и в формы речевой деятельности, в том числе в ораторскую речь. Конференции, собрания, массовки, митинги, пленумы, коллегии – вот все те места и формы общения, где произносились речи наиболее актуального характера, и речи эти транслировали не только интеллектуальные, но и эмоционально-экспрессивные смыслы. Такой, к примеру, эмоциональный способ визуализации актуальных идей как агитационный плакат получил широкое распространение в социальной и политической жизни, оказав безусловное влияние на эволюцию речевой деятельности. В большевистской среде быстро распространились новые особенности лексики, синтаксиса и словообразования, свойственные представителям партийного аппарата. Быстро создавались новые речевые шаблоны, существующие значения слов и их оттенки либо изменялись, либо полностью утрачивались, будучи заменяемы на новые. Речи докладчиков, выступающих на различных мероприятиях, содержали множество слов и словосочетаний, типичных для времени и переживаемых обстоятельств.

Как известно, революционное движение, апогеем которого стала революция 1917 года, развивалось в течение нескольких предшествующих десятилетий. Еще в 1905 году в революционной среде начали формироваться специфические особенности лексики, речевого стиля, словообразования, в полной мере реализовавшиеся в «революционном фразерстве» первой четверти прошлого века. Революционные деятели при обсуждении тех или иных вопросов вводили в речь много новых терминов, которые до того момента были распространены в относительно узких кругах политэкономистов, социологов, философов. Поскольку большая часть этих терминов имела иностранное происхождение, в языковой обиход вошло много заимствований, например, *фракция*, *экспроприация*, *марксизм* и т. д. [9. С. 28].

Глубинные изменения, происходившие в обществе того времени, как видим, затронули все уровни языка, проявились в росте функциональной

значимости отдельных специфических сторон речи: сохраняя, естественно, свою коммуникативную значимость, она стала более экспрессивной и эмоционально насыщенной. Язык в условиях тотальной смены общественной, социальной и философской парадигмы обогатился целым рядом новых именовании, отразивших пафос революционной эпохи.

Библиографический список

1. *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
2. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.
3. *Бочкарев А.Е.* Семантический словарь // Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. 200 с.
4. *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
5. *Время, вперед!* Культурная политика в СССР / под ред. И.В. Глущенко, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 272 с.
6. *Добренко Е.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. 323 с.
7. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Западноевропейская социология XIX - начала XX веков // Электронный ресурс: <http://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-metod-sotsiologii> (дата обращения: 24.03.2017).
8. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917-1926). М.: Либроком, 2013. 250 с.
10. *Marcuse H.* An Essay on Liberation, 1969 // Электронный ресурс: <https://www.marxists.org/reference/archive/marcuse/works/1969/essay-liberation.htm> (дата обращения: 27.03.2017).